

12+

Your Pain Is Mine

Поиски утешения

Your Pain Is Mine

Поиски утешения

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67301400

SelfPub; 2022

Аннотация

Несколько дней в пути. Прежняя жизнь больше не существует. Сможет ли девочка выбраться из-под обломков всего того, что она так любила?

Your Pain Is Mine

Поиски утешения

Вечерело. Девушка шла вдоль шоссе, по обе стороны от которого раскинулся пустынный ландшафт. В свете закатного солнца песок отдавал уже не жёлтым, а красновато-оранжевым оттенком. Рыжие волосы девушки на фоне небесного оранжевого диска, который стремительно исчезал за горизонтом, уже выглядели неотъемлемой частью пейзажа.

Она продолжала идти, хотя до конца так и не знала, куда именно идёт. Зато прекрасно осознавала откуда: из прошлого в будущее. Её прежней жизни больше не существовало, и не осталось ни одного места, в которое она могла бы пойти. Для девушки просто не осталось места в этом мире после того, как вся её жизнь в одночасье рухнула.

Дорогу пересекло одинокое перекаати-поле. Совсем скоро тьма накроет весь окружающий путницу мир, и оставит её совершенно одну на десятки километров в непроглядной темноте. Ей нужно искать место для ночлега, но где же его найти посреди пустыни?

Или всё не так уж плохо? Вдалеке замаячил огонёк надежды – впереди был свет.

Девушка, будучи уже очень уставшей, с трудом ускорила шаг и вскоре увидела, что свет излучали окна небольшого двухэтажного домика, расположенного на небольшой возвы-

шенности неподалёку от дороги.

Подойдя к дому, она не услышала ни единого звука, который мог бы раздаваться изнутри. Окна были зашторены, поэтому разглядеть происходящее внутри не представлялось возможным. Заблудшей душе было жутко, так как неизвестность, окутывающая этот дом, вселяла в неё именно это чувство – страх. Но выбор стоял между тем, чтобы остаться одной во тьме или же рискнуть и постучать в дверь.

Раздался стук. Подойдя к двери и открыв её, хозяин обнаружил перед собой молодую рыжеволосую девушку лет шестнадцати-семнадцати одетую в синие джинсы и синюю же джинсовую жилетку, надетую поверх чёрной футболки, некогда украшенной каким-то рисунком или надписью, но время взяло своё, и сейчас оставалось лишь гадать, что же там было изображено; за спиной у гостьи был небольшой рюкзачок, а ступни обрамляли порядком изношенные чёрные кеды.

Девушке открыл дверь мужчина в возрасте, индеец, волосы которого были заплетены в две косички. Не то его взгляд выражал недовольство припозднившейся гостьей, не то жизнь просто наложила на его лицо отпечаток всех испытаний, когда-либо выпадавших на его долю.

– Здравствуйте, – робко произнесла путница, смотря на человека, превосходившего её ростом, наверное, на голову, – Прошу прощения за то, что беспокою Вас в столь поздний час, но мне очень нужна Ваша помощь: мне нужен ночлег, –

она боялась этого человека, но вариантов не было, кроме как поверить в то, что он не причинит ей вреда, – Прошу Вас, я не доставлю Вам много неудобств. Если нет кровати, я могу расположиться и на полу. Мне просто нужен кров. Всего на одну ночь...

Мужчина освободил проход, в котором он прежде стоял, и кивнул в сторону внутреннего убранства дома, не выдав на лице ни единой новой эмоции, словно он вечно ходил в этой маске, которой его наградила жизнь. Девушка решила, что это приглашение войти, и неловко то ли кивнув, то ли чуть поклонившись, неуклюже впорхнула в дом.

Она оказалась в небольшой комнате, в которой располагался старенький журнальный столик со стоящим рядом с ним креслом; довольно старый телевизор, расположенный напротив кресла; деревянный пол был покрыт затёртым ковром, а стены – украшены какими-то фотографиями индейцев и странными украшениями.

– Пошли, – вдруг сказал индеец. В голосе хоть и звучала "сталь", но никакой враждебности в нём не было.

Для сосредоточенной на осмотре комнаты девушки обращение к ней стало неожиданностью, от чего она резко обернулась и застыла, следя взглядом за хозяином дома. Мужчина прошёл в коридор, проход в который до сих пор скрывался от взора гостьи.

– Не отставай! – послышалась "сталь" из коридора.

Девушка очнулась и поспешила за своим спасителем. Ко-

ридор оказался довольно тёмным, но не длинным, и гостья вскоре оказалась на кухне.

Кухня, кажется, как и всё в этом доме, была очень дряхлой и маленькой. Это небольшое помещение смогло вместить в себя холодильник, небольшой стол, раковину, металлическую печь, служившую плитой, а стены были увешаны различными шкафчиками.

– Садись, – произнёс хозяин.

Девушка послушно села на одну из двух табуреток, стоящих у стола. Индеец взял две тарелки, наложил в них что-то из кастрюли, стоявшей на печи. Затем поставил тарелку и откуда-то взявшийся в его руках стакан с водой перед девушкой, и наконец сел за стол сам. Столовые приборы уже лежали на столе, словно он ожидал гостя.

– Ешь, – сказал индеец и начал трапезу.

Девушка, взяв в руку ложку, наконец обратила внимание на содержимое тарелки – это была каша. После первой ложки стало понятно, что она кукурузная.

– Имя? – прозвучала всё та же "сталь".

– Алексис, – ответила девушка, оторвавшись от еды, – А можно узнать Ваше?

– Ииска.

Закончив приём пищи, немногословный хозяин, встал из-за стола и положил свою тарелку в раковину.

– Когда закончишь есть, жди меня в гостиной, – произнёс Ииска и скрылся в темноте коридора.

Алексис обычно ела довольно быстро, но новая обстановка вызывала у неё неподдельное любопытство, что и привело к увеличению времени приёма пищи. Девушка доела свою порцию, и поставила тарелку туда же, куда и индеец. Она было хотела вымыть посуду в благодарность за еду, но воды в кране не оказалось, и ей пришлось с досадой оставить эту затею. Гостья проследовала в гостиную, как её и просил хозяин дома.

В комнате тёмным экраном её встретил телевизор. Девушка робко встала в угол комнаты рядом с креслом и стала ждать возвращения ушедшего куда-то Ииски. Прождав минут пятнадцать, она порядком заскучала и решила включить телевизор, чтобы посмотреть, вдруг что-то появилось в новостях, касательно событий, произошедших с ней. Подойдя к телевизору, она включила его, но все его каналы показывали лишь белый шум. Разочарованная гостья, выключив телевизор, вернулась на прежнее место и продолжила ждать.

– Идём, – произнёс индеец, через несколько минут появившийся из коридора.

Девушка последовала за ним, и они снова оказались в коридоре, но на этот раз хозяин свернул куда-то во тьму, не доходя до кухни. Во тьме оказалась лестница, ведущая на второй этаж дома. Лестницу освещала лишь луна, заглядывающая в дом через небольшое оконце между этажами. На втором этаже также находился коридор, но был он уже не такой тёмный: на потолке тускло светила одинокая лампочка.

ка. Коридор располагал несколькими дверьми по обе стороны прохода.

Пройдя немного по коридору, Ииска остановился и открыл одну из дверей, ведущих, как оказалось в небольшую комнату с окном, кроватью и столом. На последнем стояла лишь керосиновая лампа, света которой едва хватало, чтобы различить очертания предметов в комнате.

– Здесь ты можешь переночевать, – сказал индеец и ушёл, закрыв за собой дверь.

Сняв со спины свой рюкзачок, Алексис вынула из него какой-то предмет: им оказалась фотография нескольких людей, в окружении которых стояла и сама девушка. Посмотрев на изображение какое-то время, она тяжело вздохнула и убрала снимок обратно. Затем гостя улеглась на кровать, ощутив столь великое облегчение, словно груз всех проблем вселенной вмиг спал с её плеч.

– Может быть, всё не так уж и плохо? – подумала Алексис, и провалилась в сон, не заметив невольно пущенную из глаз слезу.

Ей снилось, что события, разрушившие её мир, так и не произошли; что она по-прежнему имела возможность испытывать радость от всех тех вещей, которые были частью её жизни; что близкие люди всё ещё рядом. Пожалуй, этот сон был именно тем единственным местом, которое так не хотелось покидать девушке. Но, как и всё хорошее, прекрасный сон не мог длиться вечно.

Алексис нехотя открыла глаза. Судя по картине за окном, всё ещё царила ночь. Девушка пыталась понять, что же её разбудило. Она прислушалась к каждому своему чувству, дабы понять, откуда появилось это ощущение беспокойства, что выдернуло её из счастливого сна.

Постепенно полусонная гостья осознала, что за дверью раздаётся какой-то странный звук, похожий на гул или гудение на довольно высокой частоте. Звук не был громким или слишком высоким, чтобы вызывать дискомфорт, но он воздействовал на только что проснувшуюся девушку совершенно иным образом: звук словно пронзал её душу. Именно это чувство и разбудило Алексис. Звук, будто разрезал её душу на тончайшие ломтики, которые затем вновь срастались в единое целое. Это чувство не было приятным: как если бы некто изучал девушку, рассматривая каждый аспект её души, и пытаясь найти что-то самое сокровенное, спрятанное в самой её глубине. В то же время всё это успокаивало, словно кто-то очень родной обнимает тебя и напевает своего рода колыбельную.

Алексис встала с кровати. Лампа, стоящая на столе, уже давно израсходовала весь керосин и погасла, и комнату озаряла лишь царственно смотрящая в окно луна. Девушка подошла к двери и прислушалась – странный звук раздавался определённо с той стороны.

Не забыв надеть свой рюкзачок, всё ещё до конца не проснувшаяся и ведомая неистовым любопытством гостья

этого дома, решила покинуть комнату, своё временное пристанище. Она вышла в коридор, закрыв за собой дверь и, всё ещё будучи сонной, пошла в сторону лестницы, откуда, как ей казалось, и раздавался звук.

Через несколько минут ходьбы девушка окончательно проснулась, и поняла, что лестницу она так и не встретила, а коридор всё так же продолжается, представляя из себя лишь ряды дверей по обеим стенам, и тьму, виднеющуюся где-то вдалеке прохода. Алексис поняла, что несмотря на всю мрачность коридора, он всё же тускло освещен. В поисках источников света, она подняла голову к потолку и... не обнаружила его. Потолка просто не было, а стены уходили куда-то высоко-высоко, и где-то там вдалеке сиял тусклый, похожий на лунный, свет. Девушка начала озираться и искать комнату, из которой она вышла, но та дверь была уже потеряна во тьме бесконечности коридора.

Страх охватил гостью, и в панике она побежала туда, где должна была быть её комната. Она долго бежала, дёргая каждую дверь, но ни одна из них не открывалась.

Выдохшись, Алексис остановилась и, прислонившись к стене, стала жадно глотать воздух. Немного отдышавшись, девушка сползла по стене и села на пол. На её лице появились слёзы. Это были слёзы безысходности. Она не издавала ни звука, кроме редких всхлипов, которые ей не удавалось сдерживать.

Со временем пришло осознание, что гул, разбудивший

Алексис, начал стремительно приближаться с одного из концов коридора, словно что-то очень быстро пыталось достичь его другого конца.

Девушка испугалась и, забыв о слезах и усталости, побегала от надвигающегося звука. Она слышала, что он становится всё ближе и ближе, и понимала, что у неё нет и шанса скрыться от него, но продолжала отчаянно бежать.

В какой-то момент беглянка запнулась и упала. Ей казалось, что если она обернётся, то увидит источник этого гула. Девушка зажмурилась и снова заплакала. Но ничего так и не произошло. Гул остановился где-то позади неё и больше не двигался.

Пролежав зажмурившись пару минут, пытаясь осмыслить происходящее, Алексис всё же набралась храбрости, чтобы открыть глаза и посмотреть на источник этого звука.

Обернувшись, она никого не обнаружила за спиной. Единственным странным объектом была дверь в одной из стен коридора, из-под которой пробивался белоснежный свет. Алексис была уверена, что, когда она бежала, на этом месте не было двери, и уж тем более – света из-под неё.

Она встала, и прислушалась: гул определённо раздавался из-за этой двери. В девушке боролись любопытство и страх. Нет, она не боялась погибнуть – её, как и ранее, пугала неизвестность. Но в этом противостоянии победу всё же одержало любопытство.

Алексис, подошла к двери и взялась за металлическую

ручку: она была тёплая, как если бы с той стороны кто-то долго держал эту ручку в своих руках, отдавая ей всю свою теплоту.

Сделав глубокий вдох, она отворила дверь, и тут же ей пришлось закрыть лицо руками: настолько ярким был свет за дверью. Щурясь от нестерпимой яркости, девушка пыталась разглядеть хоть что-то в этом свете, но лишь слёзы начали течь из её глаз.

Внезапно он перестал резать глаза, и напротив – стал очень приятным. Алексис опустила руки и попыталась всмотреться в этот свет, но по-прежнему тщетно, словно она пыталась рассмотреть что-то через молоко.

– Ты знаешь, зачем ты здесь? – раздался громоподобный голос, кажется, звучащий сразу отовсюду.

Девушка, потеряв дар речи, замерла.

– Ты знаешь, зачем ты здесь? – повторил голос.

– Нет... – дрожащим голосом ответила Алексис.

– От чего ты бежишь?

Алексис не знала, что ответить, но решила попробовать самое очевидное.

– От прошлого?.. – произнесла тем же дрожащим голосом девушка.

– Нет! От чего ты бежишь? – давил собеседник, словно уже знал ответы на свои вопросы.

– От себя...

– Почему ты бежишь от себя?

По какой-то причине осознание именно этого факта очень сильно задело нечто в душе девушки.

– Даже будучи не запертой в этом странном месте, я уже не могла осознавать, где и когда нахожусь! – Алексис внешне почти перешла на крик, слёзы стали стекать по её лицу, словно ливень, орошая деревянный пол, – Я не могу ни на что смотреть, чтобы не видеть в этом своё прошлое, всё то, что я так любила! – она упала на колени, – Почему этого больше нет?! Почему я больше ничего не могу чувствовать, кроме опустошения?!

Девушка перешла на шёпот:

– Почему у меня забрали их?..

– Чего ты хочешь?

– Я хочу всё вернуть, – почти перестав плакать, ответила

Алексис.

– Это невозможно. Чего ты хочешь?

– Я хочу... избавиться от этой пустоты.

– Тогда подойди ко мне!

Гул зазвучал пуще прежнего. Девушка стояла на коленях перед открытой дверью, за которой находился белоснежный свет. Её лицо выражало странное сочетание надежды и недоверия. Голос больше не проронил ни слова, и лишь гул зазывал Алексис войти в эту дверь.

"Что бы ни произошло, хуже уже не станет", – подумала девушка. Она встала и шагнула внутрь света, где её тут же обволокло невероятное тепло, греющее скорее не тело, а ду-

шу. Кто-то очень-очень большой и бесконечно добрый обнял её всю целиком, как вода покрывает всё тело при погружении в тёплую ванну. Исчезли все негативные чувства: усталость, страх, даже "песок" в глазах, появившийся из-за прерванного сна, – и тот исчез.

Растворившись в этой белоснежной вечности, Алексис почувствовала, что все, кого она когда-либо потеряла, прямо сейчас рядом с ней и тоже обнимают её. Больше нечего бояться и не от чего бежать – она больше никогда не будет одна.